

В. В. Наумкин¹**ДЕЛЕНИЕ НА МИР ВЕРЫ И МИР НЕВЕРИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕГАТРЕНД?**

Некоторое время назад ряд аналитиков выдвинул тезис о возможности фактического разделения международного сообщества в недалекой перспективе на мир веры и мир неверия. Если принять это как прогноз на будущее, то можно увидеть, что такое бинарное деление глобального сообщества весьма условно, так как не учитывает неизбежного существования в нем всякого рода переходных и неопределившихся государств. Тем не менее ядром мира веры видятся исламские страны, а ядром мира безверия — ультрасекулярная Европа, где религия вытеснена на обочину общественной жизни, не говоря уже о ее полном отделении от политики.

Но прежде чем высказать несколько соображений на эту тему, необходимо коснуться вопроса, имеющего к ней непосредственное отношение, — вопроса о состоянии процесса глобализации. Ведь именно она позволяет говорить о существовании в современном мире неких мегатрендов, единых практически для всех государств. (Естественно, в рамках доклада можно лишь бегло коснуться всех рассматриваемых здесь сюжетов.)

Кризис глобализации

Еще несколько лет назад казалось, что глобализация — столь неодолимый мегатренд, что ее смерч вот-вот сметет едва ли ни все различия и границы между странами и цивилизациями. Гиперглобализация — так можно было обозначить ту фазу, в которую вошло мировое сообщество государств благодаря в первую оче-

редь ошеломляюще быстро совершающейся технологической революции в сфере коммуникаций. Однако не все так однозначно. Посмотрим бегло на три основных глобализационных потока — передвижение капиталов, людей и информации.

На пути первого из этих потоков за минувшие годы были поставлены мощные барьеры, причем в основном из-за протекционистской политики страны, которая всегда позиционировала себя в качестве лидера «свободного мира», — США. Именно политика президента Трампа нанесла сильнейший удар по системе международной торговли. Анализ решений о санкциях против «проштрафившихся» перед США правительств якобы для оказания на них политического давления показывает, что они продиктованы прежде всего желанием устранить с рынка конкурентов американских компаний и обеспечить на нем наиболее благоприятные условия для американского бизнеса. Этим решениям подыгрывают страны Евросоюза, которые сами становятся жертвами санкционной политики. Все больше правительств выражает недовольство работой ВТО, существование которой, по мнению ряда экспертов, в сложившихся условиях просто потеряло смысл. Достигали высокого накала торговые споры между США и КНР, хотя интересы товаропроизводителей двух стран все же пока заставили их пойти на компромисс. Возникают проблемы на пути реализации интеграционных договоренностей и в Евразийском экономическом союзе. На недавнем саммите ЕАЭС 14 мая 2018 года президент Беларуси Александр Лукашенко выступил с критическими замечаниями в адрес этого объединения, сказав: «Сегодня именно региональные интеграционные объединения создают предпосылки для роста мировой экономики. А мы вместо того, чтобы свободно торговать, закрываемся друг от друга. Более того, обмениваемся взаимными претензиями даже в средствах массовой информации, рискуя международным авторитетом союза. Мы игнорируем цивилизованный способ решения торговых споров через Евразийскую экономическую комиссию».

Еще больше барьеров ставится сегодня на пути свободного передвижения людей. Миграция рядом европейских государств уже рассматривается как едва ли

¹ Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Восток (Oriens)». Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», “Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle”, «Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее», «Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)», «Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка» (в соавт.) и др. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе орденами Почета Совета муфтиев России, «За пользу Отечеству» (Золотой крест), «Российская нация», орденом Дружбы Республики Таджикистан, золотым орденом «За заслуги» от Государства Палестина и др. Лауреат премии им. В. В. Посувалока (МИД РФ), премии С. Ф. Ольденбурга РАН, премии Международного дискуссионного клуба «Валдай».

не самая серьезная проблема и один из главных вызовов для их национальной безопасности. Это оказывает огромное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Евросоюза, способствуя росту ксенофобии, популизма и выходу на передовые позиции националистических партий и движений. Острота проблемы усугубляется ростом миграционного давления на эти страны, которое в обозримой перспективе будет еще больше возрастать, а также проникновением на континент под видом беженцев бывших боевиков, членов радикальных исламистских организаций. В то же время такой устойчивый для Европы, как и для некоторых других регионов мира, тренд, как старение населения (которое, вероятно, в перспективе лишь усугубится), будет увеличивать потребность европейских государств в притоке рабочей силы из-за рубежа, что, в свою очередь, может способствовать росту мигрантофобии среди населения и дальнейшему росту противоречий между государствами, входящими в Евросоюз. Для преодоления культурного диссонанса, возникающего в результате переселения в Европу больших масс жителей государств Ближнего Востока и Африки, требуются время и продуманная политика, а и того и другого часто не хватает.

Информационным потокам в условиях бурно проходящей технологической революции трудно помешать. Тем не менее и здесь появляется все больше ограничителей. Если одни из них, продиктованные задачей поставить заслон распространению идей экстремизма, призывам к террору, насилию, разжиганию национальной и религиозной розни, являются необходимыми, то оправданность других вызывает сомнения. Некоторые государства прибегают к ограничению допуска своих граждан к Интернету и жесткому фильтрованию контента по идеологическим соображениям.

Тем не менее глобализация идет. Причем все общества в возрастающей степени одновременно пользуются создаваемыми ею новыми возможностями и сталкиваются с порожденными ею же проблемами. Несмотря на вроде бы убедительную победу секуляризма и даже некоторое расширение зоны неверия, в целом во многих частях мира, а не только в его исламском сегменте наблюдается процесс своего рода религиозного ренессанса, связанный с характерными для нашей высокотехнологической эпохи поисками духовности. Значительная часть людей ищет духовную альтернативу широко распространенным, но не вызывающим удовлетворения рутинным культурным ценностям и поведенческим стереотипам, особенно в глубоко секуляризованных обществах. А в части исламского мира господствует наиболее радикальный, экстремистский толк религии, порождением которого явился запрещенный в России Даиш (ИГИЛ), а также подобные ему организации.

Все религии мира в разной степени испытывают потребность в адаптации к новой действительности, что может проявляться как в отторжении глобализующих влияний, сопротивлении модернизации (об этом позже), так и в выработке своего собственного «глобального продукта». Этот продукт одновременно и ответ на вызов глобализации, и часть глоба-

лизации, проявление глобализующей роли религии. Какие же формы он принимает? Для мира ислама это, в частности, всемирная транснациональная умма (сообщество, «нация» мусульман), которую французский исламовед Оливье Руа назвал «воображаемой», потому что мусульмане являются прежде всего гражданами своих национальных государств (причем не только мусульманских, но и тех, где они составляют меньшинство и о которых в данной ситуации собственно и идет речь), а не солидарными членами всемирной уммы. Тем не менее в Европе, где сегодня проживают уже почти три десятка миллионов мусульман, все же можно говорить о существующих узлах солидарности внутри этого быстро растущего конфессионально меньшинства (в первую очередь за счет иммиграции из стран Азии и Африки и более высокой рождаемости, но также (в меньшей степени) и за счет принятия ислама некоторыми европейцами).

Религия, политика и наступление секуляризма

Во многих мусульманских, в первую очередь ближневосточных, обществах глобализация принимается лишь в той мере, в какой она не противоречит установке на закрепление их цивилизационной самобытности, в которой ислам является одним из основных идентификационных маркеров. Но лишь отчасти правильно утверждать, что в мир веры имеют шанс войти лишь мусульманское, в первую очередь ближневосточное, общество, а в мир неверия — остальные, в первую очередь христиане. Здесь не последнюю роль играет разница в соотношении религии и политики. Известный британский автор интересных книг о религии Карен Армстронг писала об эпохе раннего Нового времени, когда возникло протестантство: «В ту пору европейцы и американцы стали разделять религию и политику: они полагали (не вполне точно), что Тридцатилетнюю войну вызвали только споры вокруг Реформации. Убеждение, что религию следует полностью исключить из политической жизни, стало “мифом-хартией” суверенного национального государства. Философы и государственные деятели, проложившие путь этой догме, думали вернуться к более благополучному состоянию дел, которое существовало, пока властолюбивые католические священники не смешали две совершенно разные сферы».

Армстронг права, утверждая: «...на Западе разделение религии и политики укоренилось до такой степени, что нам теперь сложно себе представить, насколько тесно они были прежде связаны». Разделить неразторжимо связанные религию и политику, действительно, тогда было бы «так же трудно, как извлечь джин из коктейля». До Нового времени глубоко сакральный смысл придавался многим видам деятельности (Армстронг называет в качестве примера «сведение лесов, охоту, футбольные матчи, игру в кости, астрономию, земледелие, строительство государства, перетягивание каната, планировку городов, торговлю, винопитие и особенно войну»), которые сегодня вряд ли кто будет связывать с верой.

Так что же, мусульмане, тесно увязывающие религию с политикой, стадильно «завязли» в начале Ново-

го времени? Или дело в имманентно присущей исламу привязке к политике? В рамках доклада дать хорошо аргументированный ответ на этот вопрос вряд ли возможно. Однако общеизвестно, что ислам исторически более тесно связан с проблемой власти, чем любая другая религия, и именно разногласия по этой проблеме первоначально лежали в основе разделения мусульман на суннитов и шиитов.

Продолжающаяся секуляризация в обществах, которые образовали мир неверия, сопровождается эрозией религиозных ценностей и общей десакарлизацией. Именно в таком ключе надо рассматривать, к примеру, использование полностью опустевших храмов в Германии в качестве увеселительных заведений. Наблюдается кризис религиозных институтов. Обычаи и ритуалы уходят в прошлое. Даже в России, в которой религиозность значительно выше, чем в большинстве государств Европы, и которая не может войти в мир неверия, все религиозные обряды соблюдают не более 3 % православного населения страны (но и здесь показатели у мусульманского населения выше).

Политические императивы способны вызвать эрозию даже очень устойчивых религиозно-этических установок, причем и у тех сил, которые позиционируют себя как религиозные. Йеменские повстанцы из движения «Ансарулла», которых принято называть по родоплеменной принадлежности большинства его членов хуситами, расправившись с порвавшим с ними экс-президентом Йемена Али Абдаллой Салехом 4 декабря 2017 года, уже несколько месяцев держат его тело в холодильнике (во всяком случае, на время написания этого доклада), хотя по канонам ислама его надо было уже на следующий день предать земле с соблюдением всех ритуалов. Тело стало своего рода товаром, и накал длительной гражданской войны заставляет даже тех, кто выступает за возврат к исконным ценностям ислама, преступать его базовые этические установки и не соблюдать обычаев, как и тех, кто подвергает территорию этой страны жестоким бомбардировкам.

Все сказанное о процессе десакарлизации можно рассматривать в контексте модернизации религии, а один из подходов характеризует этот процесс как упрощение. Так считают, к примеру, некоторые исследователи буддизма, отмечающие ослабление требований к верующим и редуцирование роли вероучительного компонента для основной массы верующих. В какой-то мере это так. Возможно, создается некая упрощенная версия религии, вера теряет основательность размышлений, но к ней и легче приобщиться. Иначе говоря, религия лишается характерной для нее высокой сакральности, но становится ближе к людям. Число последователей религии в этом случае не только не снижается, но даже возрастает, хотя для все большего числа верующих она фактически сводится к ритуалам и этическим принципам, которые к тому же вовсе не обязательно неукоснительно соблюдать (иначе говоря, происходит «экспансия–редукция»). Но трудно представить, чтобы рядовые верующие тибетцы когда-либо могли полностью освоить и сделать своим повседневным жизненным ориентиром такие обширные религиозные тексты, как Канджур (108-томный сбор-

ник высказываний Будды) и Танджур (235-томный сборник переводов *шастр*). Как считают индийские авторы А. Шукла и В. Дикшит, обладание этими текстами и в прошлом рассматривалось людьми лишь как инструмент поддержания определенного социального статуса. Столь же мало оснований полагать, будто рядовые мусульмане знают все тексты шести «правильных» сборников хадисов пророка Мухаммеда (хотя заучивание наизусть текста всего Корана довольно широко распространено во многих обществах ареала распространения ислама). Конечно, функцию доведения содержания религиозных текстов до рядовых верующих и тем более их трактовка во всех религиях выполняют священнослужители, учителя религии и религиозные ученые, богословы и теологи. Восполнение этого класса происходит с помощью религиозного образования, которое, как можно судить, сегодня и в буддизме, и в исламе проходит этап трансформации.

Однако толковать модернизацию исключительно как упрощение само по себе видится упрощением. Идущий процесс правильнее охарактеризовать как «обмирщение» и десакарлизацию. В тибетском буддизме она находит свое выражение, к примеру, в том, что монахини, которым ранее запрещалось посещать праздник *монлам* (праздник молений за мир и процветание, приходящийся на первый тибетский месяц), уже с 1994 года по решению далай-ламы могут это делать. В какой-то мере это явление можно сравнить с изменением отношения к женщине в мусульманских сообществах и выполняемым ею функциям, которые ранее доставались только мужчине. Кстати, именно в этой сфере — в отношении к женщине — и проявляется один из главных элементов столкновения исламского архаического традиционализма с модерностью и, более узко, с западной культурой (вспомним о еще идущих европейских баталиях вокруг ношения хиджаба и никаба/паранджи). Показателен в этом смысле курс наследника саудовского престола Мухаммада бин Сальмана на проведение целого ряда реформ по изменению отношения к женщине и ее правам в русле либерализации.

Что касается лам, то теперь, когда они живут в обычных поселениях, их харизма, считают Шукла и Дикшит, постепенно исчезает. Когда в прошлом монастыри располагались в труднодоступных местах, получить там благословение у лам было редкой удачей. «Ламам запрещалось ходить на рынок или к кому-либо, если это не было связано с семейными делами. Женщины не могли появляться в монастырях, а мирянам не позволялось оставаться там после захода солнца. Все эти запреты теперь отменены».

Ритуалистическому редуцированию тибетского буддизма способствует сохранение в нем элементов древней религии *бон*, господствовавшей в Тибете до VII века. Как известно, эти элементы столь органично вошли в местный буддизм, что многие исследователи даже стали рассматривать *бон* как одно из направлений буддизма. Но именно эта религия, обычно характеризующаяся как анимистическая и шаманская, привнесла в буддизм декоративную символику и материальный реквизит, который облегчает ритуализацию. Как пишет А. В. Арахери, «и сегодня добуддийские обычаи и свя-

занная с ними символика остаются в тибетском обществе <...> Стены домов украшены замысловатыми фигурами и значками, представляющими божества старой религии. Символы четырех элементов — тигр, лев, орел и дракон — все еще используются в буддийской философии».

Заметим, что в исламе тенденция инкорпорирования элементов верований, господствовавших ранее у народов, принявших эту религию, актуализовалась в суфизме. Суфийская практика *зикра* — ритмических движений с распеванием религиозных формул, в принципе напоминающем медитацию, — в некоторых мусульманских обществах выродилась в ритуальное действо, лишённое подлинно духовного содержания.

Среди многих причин, с помощью которых обычно объясняют этот процесс, называется и влияние западной секулярной культуры. Но все же не будем забывать, что роль религии как маркера идентичности в современном высокоглобализованном мире не только не ослабевает, но, напротив, становится все заметнее, она помогает многим сообществам устоять перед мощным цивилизационным натиском Запада.

Ресакрализация как ответ

Этот «оградительный» императив отчасти объясняет процесс, являющийся антиподом десакрализации и модернизации, а именно процесс ресакрализации и архаизации. На этой базе в исламском мире вырастают такие уродливые явления, как экстремизм и терроризм, которые также представляют собой ответ на грубое силовое вмешательство Запада во внутренние дела исламских государств, на политику западных держав, в первую очередь направленную на смену неудобных им режимов и насильственное насаждение чуждых им порядков. (Рассмотрение вопросов, связанных с исламистским экстремизмом и терроризмом, не входит в задачи этой статьи.)

Часто ислам считают религией более воинственной, чем другие, причем аргументируется это заключение тезисом о роли джихада. Однако джихад в исламском вероучении — это усилие, которое должен предпринять верующий мусульманин для победы в самом себе набожности и исламской нравственности и которое лишь в отдельных случаях — для защиты веры, жизни или собственности мусульман — требует от него взяться за оружие (большой и малый джихад). Абсолютизация джихада нередко является ответом на агрессивный секуляризм, в котором видят угрозу мусульманской идентичности. Современные радикалы-джихадисты, в экстремистском ключе трактующие доктрину джихада, дают повод для неверных заключений, которые тем не менее нельзя обобщать, распространяя на все вероучение. Элементы подобных доктрин есть во всех религиях: христианство и буддизм не составляют исключения. К примеру, традиция текстов «Калачакра-тантры» допускает в качестве ответа на агрессию превращение внутренней, духовной борьбы во внешнюю.

Скорее можно говорить о меньшей роли насилия в буддизме, но известны факты совершенных монахами политических убийств в Шри-Ланке и странах Юго-

Восточной Азии. Правда, здесь вопрос увязан с политизацией монашества, которая временами усиливается, а порой сходит на нет. Вспомним протестное самоожжение монаха Куан Дыка в Сайгоне в 1963 году.

«Аум Синрикё» было исключительным для буддийской среды (хотя в идеологии этой секты элементы буддизма смешаны с элементами других религиозных систем) явлением, где признаки антиглобализма и социального протеста причудливо сочетались с элементами «слепого терроризма», когда жертвами теракта становятся ни в чем не повинные случайные люди, как это бывает в акциях террористов, действующих от имени ислама на Ближнем Востоке и в регионах, находящихся за его пределами.

Можно констатировать различия в отношении ислама, христианства и буддизма к секуляризму. В исламе в последние десятилетия набрала силу антисекуляристская тенденция (в распространяемом в России на русском языке сборнике фетв (установлений авторитетных мусульманских богословов) Совета по фетвам Организации Исламского сотрудничества секуляризм даже называется врагом ислама). Даже в такой конституционно секулярной стране, как Турция (это единственное ближневосточное государство, где его светский характер закреплен в его основном законе), в период правления Партии справедливости и развития по главе с Реджепом Эрдоганом идет медленный процесс реисламизации, в общественно-политической жизни все сильнее слышны религиозные интонации.

В буддизме антисекуляризаторские мотивы выражены слабее, чем во всех авраамических религиях (по мнению российского исследователя Агаджаняна, это объясняется тем, что граница между духовным и светским в буддийской традиции не столь рельефно очерчена).

Можно зафиксировать и различия в отношениях к иноверцам. Хотя исходно в исламском вероучении было заложено позитивное отношение не только к представителям других монотеистических религий, но и толерантное отношение к последователям немонотеистических религий, язычникам и даже неверующим, в реальной практике и богословско-правовом дискурсе некоторых школ в последующие века в нем получила развитие тенденция эксклюзивизма. Буддизм в целом лишен таких представлений, но все же и в ареале его распространения для отдельных групп и индивидуумов характерны эксклюзивизм и элементы нетерпимости.

Под воздействием ресакрализации того или иного важного для вероучения понятия искажается изначально заложенный в них смысл. Один из примеров — понятие *уммы*, которое в современном исламском мире принято относить исключительно к мусульманам. Однако понятие *умма* может иметь отношение не только к людям. В средневековом словаре имама Ибн Манзура говорится: «*Умма* — поколение и вид всего животного». Иначе говоря: «*Умма* — всякий вид животного — *умма*». А в Коране сказано: «Нет ни одного животного на земле и птицы, летающей на крыльях, чтобы не были они *уммой*, подобно вам...» (Коран 6: 38). В одном из правильных хадисов еще более неожиданно и очень ярко: «Если бы собаки (!) не были *уммой*, как и все осталь-

ные, Я повелел бы убивать их...». Также: «Муравьи — *умма* из *умма*» (оставим здесь слово *умма* без перевода, поскольку адекватный эквивалент трудно найти — «община из общин», а может быть, «сообщество из сообществ»?). На основании целого ряда работ средневековых арабских лексикографов автор знаменитого толкового словаря английский арабист Э. У. Лэйн заключил, что *умма* — это «люди определенной религии» и «люди, которым ниспослан пророк, в том числе верующие и неверующие». Заметим: и неверующие! Опасно сказать об этом современным фундаменталистам.

В заключение несколько слов о феномене исламистского экстремизма и терроризма. Вспомним, что в одном из сценариев открытого доклада Национального совета США по разведке «Карта будущего: Проект 2020», составленного с участием значительного числа видных экспертов из многих стран и опубликованного на русском языке в 2005 году, авторы доклада предсказывали, что может произойти на Ближнем Востоке в недалеком будущем. Они писали: «В ближайшие 15 лет религиозное самосознание будет становиться все более важным фактором самоидентификации людей». И далее: «Распространение радикального ислама окажет существенное глобальное влияние <...> сплачивая разнородные этнические и национальные группы и, возможно, даже создавая институты, которые выйдут за пределы национальных границ». Конечно, уже тогда в мире активно действовала «Аль-Каида», и это утверждение напрашивалось само собой. Однако за ним следовал тезис о воображаемом сценарии «нового Халифата» (!), способном «продвигать мощную контридеологию, имеющую широкое воздействие». Через десяток лет некоторые конспирологически мыслящие ближневосточные аналитики увидели в этом предсказании свидетельство причастности некоторых американских кругов к созданию ИГИЛ (запрещенного в России и сегодня далеко еще не поверженного).

Так или иначе, в книге “The Wave: Man, God, and the Ballot Box in the Middle East” («Волна: Человек, Бог и избирательная урна на Ближнем Востоке»), написанной в октябре 2010 года, то есть еще до начала «арабской весны» 2011 года (книга вышла в начале 2011 г.), сотрудник американского Фонда защиты демократии Рольф Марк Герект¹ фактически предсказал победу исламистов в Египте, заметив, что именно в этой стране исламисты «хорошо покажут себя при любом свободном голосовании», а решающим временем для этого был назван 2011 год. Большая часть западного экспертного сообщества тогда излучала оптимизм по поводу политической программы «Братьев-мусульман», воодушевляло то, что еще в программе, опубликованной в августе 2007 года египетской газетой «аль-Мисри аль-Яум», говорилось и об ответственных правителях, занимающих свои посты по воле народа, и об укреплении демократии, и о разнообразных и независимых институтах гражданского общества. Внушалась мысль, будто «Братья» твердо решили, что «демократия является единственно легитимной политической системой для Египта и всего остального исламского мира». В результате их победы впервые со времен «праведных халифов», рассуждал Герект, может возникнуть возможность того, что между лидерами и их обществами в арабском мире установятся «органические, взаимодоверительные отношения».

Опять предсказание или свидетельство знания? Речь, конечно, не идет о том, что западные державы прямо причастны к созданию угрожающих им самим террористических сетей на Ближнем Востоке. Но очевидно, что при всей глубине рассмотренного выше цивилизационного разлома (деления на мир веры и мир неверия) в западных сообществах есть круги, которые еще не избавились от соблазна поиграть с радикал-исламистами в своих собственных геополитических целях.

¹ Герект — ученик Бернарда Льюиса, служил оперативным офицером в ЦРУ, известен своими неоконсервативными и интервенционистскими взглядами, особенно агрессивно высказывался в отношении Ирана («У иранцев... терроризм — в ДНК»).